

одого офицера, который блен в Бабетту?

Мой день я видела Жака в ии, говорила и репетировала с ним обедать и разыграла любовь. Но для него это было серьезнее, чем просто рт. Он влюбился в меня и хона мне жениться. Бульварные тки на первых страницах тут заструбили о моей новой лной истории.

них появилась также и фотография предшественника Жака и Дистеля с несчастным ли-; отвергнутый и осмеянный ювник, он тем не менее сон-ный достоинство. Я же, есте-енно, предстала как дрянная а, презренная шлюха, которая вно самка богомола, пожира-своих партнеров, пользуется жчинами и выкидывает их.

В апреле 1959 года Жак весьма резко торжественно и много-ачительно заявил, что все, чего е не хватает, это ребенка. Ре-нок? Он, наверное, сошел с а! Но он меня убедил и со всей шествующей в этом мире лю-вью подарил мне ребенка. Ко-а я вновь пришла в себя, то по-ыталась вырваться из его объ-ий и броситься в ванну, но он еня удержал. Я не хотела ника-ого ребенка. Билась, как черт в упели со святой водой. Но де-ать что-либо было поздно.

Я предпринимала все, что толь-ко возможно, чтобы прервать бе-еменность, но без успеха. Зна-ит, чтобы спасти свою честь, мне предстояло как можно быст-рее выйти замуж...

Начало конца моего брака с Жаком стало намечаться, когда в 1960 году Ольга предложила мне роль в фильме Рауля Леви и Анри Жоржа Клузо «Истина». Этот фильм, считала Ольга, сделает из меня актрису, которую станут принимать всерьез.

Жак с каменным лицом и сжа-тыми кулаками заявил Ольге: «Я ее муж и сам стану решать, в ка-ких фильмах моя жена будет сниматься, а в каких нет». Меня ох-ватила волна гнева. Охотнее все-го я убила бы этого человека, же-лающего выглядеть как настоя-щий мачо, которого мне к тому же приходилось терпеть. И я должна произвести на свет его ребенка?!

Поскольку наш дом осаждали журналисты, я понимала, что в «день Икс» мне придется выдер-жать шквал вспышек и другие ужасы, прежде чем я доберусь до клиники. Поэтому я велела обо-рудовать для родов помещение в нашей вновь снятой квартире.

10 января 1960 года время при-шло. Другая находившаяся во мне жизнь, оказавшаяся сильнее меня, словно насекомое, поки-нула свою бесполезную теперь оболочку, в которую превратила меня. Девять кошмарных меся-цев я носила ее с собой. Теперь своего сына Николаса я не жела-ла видеть. Уже в первую ночь от-вергнутому ребенку дали няню и отделили от меня коридором и двумя запертыми дверями. Я бы-ла чудовищем.

Вместо того чтобы выполнять материнские обязанности, я хо-тела полностью сконцентриро-ваться на своей роли в «Истине», где моим партнером стал моло-дой актер по имени Сэми Фрей. Поначалу он меня ужасно пугал. Был очень замкнут и в перерывах между съемками читал Брехта. Сэми был настоящим актером, который постоянно стремится к самосовершенствованию. Пря-мая противоположность мне. И этот уникальный человек, вулкан нежности и море душевной глу-бины, был и остается мужчиной моей жизни, которого я, к сожа-лению, встретила на десять лет раньше, чем следовало.

В «Истине» моя героиня, убив своего любовника, предстала перед судом. Мне казалось, что суд вершится надо мной самой. Клеймились позором моя сквер-ная слава, моя скандальная жизнь, моя аморальность. При-гласив меня на роль, Клузо слов-но подчеркнул параллель между моей жизнью и жизнью героини: в конце концов я тоже бросила мужа и ребенка. Я была олице-творением испорченности.

Мне предстояло произнести очень длинный и прочувствован-

ный монолог — в последней по-пытке тронуть присяжных. Вся съемочная группа ожидала, что я начну спотыкаться и забуду текст... Но... хрипло, жестко, с силой я начала говорить. Ведь это было мое слово. Оно рвалось из глубины души, я дрожала и играла так, будто от этого зависе-ла моя жизнь. Я плакала, всхли-пывала и была охвачена подлин-ным отчаянием. Под конец за-плакали многие из присутствую-щих.

Моя актерская репутация была спасена. При этом я, собственно, никогда не была актрисой. Либо я оставалась к тексту равнодушна и просто произносила его, либо полностью растворялась в роли, доходя чуть ли не до саморазру-

Страстная и манящая женщина (1956).

Бардо со своим единственным сыном Николасом (1960).

шения. Я никогда не проникала в образ другой личности, а, наоборот, заставляла своих персона-жей становиться мной.

В «Истине» я должна была в тюрьме совершить попытку са-моубийства. Режиссер умышлен-но поддерживал меня в состоя-нии безысходной депрессии. «Жизнь не имеет смысла, — го-ворил он мне. — Только в смерти можно обрести покой». В таком совершенно угнетенном состоя-нии в день своего 26-летия я сно-ва попыталась лишить себя жиз-ни.

Странная свадьба

В 1964 году «мама Ольга» предло-жила мне шанс, который выпадает только раз в жизни. Луи Маль решил снять в Мексике до-рогостоящий революционный фильм «Вива, Мария!» (1965), пригласив Жанну Моро и меня. Ольга полагала, что теперь я смо-гу наконец доказать всему миру, что не просто красавица выгляжу, но и могу работать наравне с Жанной Моро.

Решение далось мне с трудом. Я никогда не стремилась к кон-курентной борьбе, потому что не люблю проигрывать. Мои безза-ботность и некоторая леньность столкнулись со стремлением по-казать, какая я разносторонняя актриса. Я ответила «да».

Потом я встретила с Моро. Это было свидание двух «свя-щенных монстров», которые в силу своего хорошего воспита-ния никогда не будут соперни-чать открыто. Мы, как юные подруги, взяли друг друга за та-лию и попробовали спеть песню. Мой голос сорвался, ее раскрыл-ся полностью. Она доброжелат-

ельно мне улыбнулась. И я по-няла, почему мужчины сходили от нее с ума.

Что касается возраста и внеш-него вида, то тут у меня было пе-ред Жанной очевидное превос-ходство. Я была моложе, краси-вее, лучше сложена, умела дви-гаться и обладала врожденной непосредственностью, с помо-щью которой могла завуалиро-вать свою лень и развязность. Жанна же использовала свой острый ум, дар опытной актрисы и умение соблазнять — беспо-щадное и неотразимое.

Фильм «Вива, Мария!» стал для меня большим успехом. Я позво-лила себе купить «Роллс-Ройс». Тогда я находилась в расцвете своей красоты и на вершине сла-вы. И именно в то время в своем любимом ресторане в Сен-Тропе я увидела Гунтера Закса. Он си-дел за столиком, окруженный красавицами и очень симпатич-ными молодыми людьми. Гунтер смотрел в мою сторону, потом покинул свой стол и пересел за мой. Он держал в руке стакан с виски. Его стальной взгляд про-сто пронзал будущего.

От Закса исходило редкое оча-рование. Настоящий сеньор! Се-деющие виски, буйные, немного длинные волосы, энергич-ное загорелое лицо, огромная фигура. Богатый и изысканный, несмотря на акцент, француз-ский язык заставил меня раста-ять. Я была убеждена, что любовь с первого взгляда возникла с обе-их сторон.

В этот вечер я вознеслась в ска-зочный мир. У него был такой же «Роллс», как у меня, той же мо-дели, того же цвета. Бок о бок, как два властелина, в своих ли-музинах мы уехали из ресторана.

После того как Гунтер офици-ально сделал мне предложение, он взял в свои руки планирова-ние нашего будущего. Он решил, что наша свадьба состоится 14 июля в Лас-Вегасе. Его секретарь взял на себя заботу о необходи-мых документах, в то время как друг Гунтера Тед Кеннеди орга-низовывал само торжественное действо. Я не переставала удив-ляться этой немецкой организа-ции дела, которая ничего не от-давала на волю случая. Каждый член компании знал свое место. Один должен был снимать фильм, другой — делать фотогра-фии, третий — оплачивать счета, четвертый — продумывать ход церемонии. А Гунтер должен был на мне жениться.

14 июля 1966 года в 1.30 ночи мы зарегистрировали свой брак в Лас-Вегасе. Гунтер попросил служащего повторить церемо-нию, чтобы ее можно было уве-ковечить на фотоснимках и на киноленте. Утром того же дня наше бракосочетание стало глав-ной темой на первых страницах газет всего мира. Появилась даже карикатура, на которой прези-дент де Голль и федеральный канцлер Людвиг Эрхард были свидетелями на нашей свадьбе. Я — самая французская из всех французов — вышла замуж за немца. Какой позор!

Свадебное путешест-вие мы начали на Гаи-ти. Когда на закате ла-гуна окрасилась в oran-жевый цвет, Гунтер взял меня на руки, и один из его верных спутников, которому было поручено делать снимки, нас сфотогра-фировал. Гунтер был прекрасен, пляжный халат он носил так же непринужденно, как и смокинг.

Мы сделали вылазку на Бора-Бора. Единст-венная гостиница на острове, состоящая из отдельных деревянных домиков, принадлежа-ла его земляку из Гер-мании. Благодаря мое-му супругу он вновь вспомнил о своих те-втонских корнях, а Гун-тер из-за него снова за-говорил на языке пред-ков. Они играли в шах-маты, пили виски и пи-во, очень громко разго-варивали на этом ди-

ком и не терпящем противоре-чий языке. И я поняла, что Гун-тер мужчина, которому нужны только друзья и традиции, а жен-щины в его жизни лишь побоч-ное украшение.

Остальные дни медового меся-ца мы провели в Акапулько. Там до меня дошел слух, что Гунтер женился на мне исключительно на пари со своими друзьями. Так как я знала, насколько он азар-тен, это вполне могло оказаться правдой.

На обратном пути в Париж на-строение царило мрачное и пода-вленное. Я не хотела переезжать к Гунтеру на улицу Фош и посо-ветовала ему сначала очистить квартиру от следов предыдущих женщин.

Вместо этого он со всей компа-нией ввалился ко мне в дом. По-лучалось, что я вышла замуж не за одного, а сразу за шестерых мужчин. Весь этот шлейф дейст-вовал мне на нервы. Наверное, я единственная женщина в мире, которая совершала свадебную поездку всемером.

Вскоре Гунтер пригласил меня в свое поместье Рехенау в Бава-рии, где решил представить меня своей семье. Его мать была вла-стной женщиной, и в ее присут-ствии Гунтер сразу стал малень-ким заикающимся мальчиком. Как я позже узнала, она упрекала сына за то, что свою невесту он представил ей не в баварском на-родном костюме. На следующий день к ужину портниха сшила мне баварский наряд.

За три года нашего брака я ви-дела Гунтера Закса в целом меся-ца три. Если бы были в Париже, мне приходилось не больше од-ного-двух раз посещать его на улице Фош. Часто мы бывали на вечеринках, где присутствовали более десятка гостей, Сальвадор Дали, Ротшильды и прочие зна-менитости. И хотя эти велико-светские вечера, на которых я иг-рала не подпадающую определе-нию роль, были довольно инте-ресными, я их не любила.

Мои жизненные интересы бы-ли совершенно другими. Однаж-ды я узнала, что в Старом, до крайности запущенном и гряз-ном убежище для животных с ма-нящим названием «Добрый при-ют» в невыносимых условиях прозябают идохнут сотни бро-шенных собак и кошек.

«Подари мне ребенка!»

Я ПОДНЯЛА на ноги прессу, ра-дио и телевидение и поехала туда. Гунтер заявил, что я сошла с ума. Со мной поехал только один ста-рый друг. Великий Боже, в какой лагерь смерти я попала! Я была вместе с животными. Мне хоте-лось забрать их всех с собой из этой вонючей мусорной свалки. Свое возмущение я выразила в за-явлении для печати.

Не успела я оглянуться, как уже сидела в своем «Роллсе» с пятью собаками, к ним тут же добави-лись еще десять оголодавших ко-шек. Мы прямиком поехали в Ба-

«Я создала Орден животных...» (1994).

зош, где я купила еще в 1960 году маленький крестьянский домик. Там на дворе мы освободили рос-кошный «Роллс» от покрытого струпьями и грязью, но все же счастливого груза.

Гунтер решил ошастливить ме-ня и разделить со мной предести сельской жизни в Базоше. Собак и кошек, естественно, изгоняли из комнат, чтобы своими лапами они не испачкали все вокруг.

В начале 1967 года муж заявил мне: «Мадам, я хочу, чтобы вы подарили мне ребенка». Я и бере-менность — об этом не может быть и речи! Уж лучше уйти в мо-настырь и дать обет вечного цело-мудрия, чем снова пройти через ад деторождения.

После моего отказа Гунтер дал мне время подумать, а сам уехал в Санкт-Мориц. И больше не появ-ился. В 1969 году мы развелись.

Я окончательно вернулась в свою квартиру. Однажды вечером зазвонил телефон. Трубку сняла моя подруга Моника. На другом конце провода оказался будущий президент Франции Валери Жис-кар д'Эстен. Я слышала, как вор-кует низкий голос Моника. Когда мне надоело, я выхватила трубку из рук подруги. Валери шептал, что должен непременно познако-миться с женщиной, у которой такой гипнотизирующий голос. Я предложила ему на следующий день заглянуть к нам в гости.

К сожалению, Моника должна была уехать из Парижа, поэтому потребовалась замена. Меня под-толкнул черт, когда я позвонила Клоду Деффе, близкому другу Са-ши Дистеля. Этот человек в лю-бой момент готов был устроить шутку. Я предоставила ему свои парики, колготки, мини-юбки. Только с обувью (у меня размер 37, а у него 43) возникли ослож-нения.

Я пригласила еще пару друзей, чтобы было веселее. Горели толь-ко свечи, шампанское стояло на-готове. Клода загремировали и одели как женщину. Войдя, Вале-ри с отточенной элегантностью поцеловал «Монике» руку. И тут его взгляд сделался подозритель-ным. Потом он коротко сказал, что его зовут Роберт, и с нескры-ваемой поспешностью ушел. По-чему, я поняла, когда увидела во-лосатые руки Клода...

Неосознанно в 1972 году я нача-ла отходить от кино. По-настоя-щему хорошо я чувствовала себя в своем маленьком сельском владении в Базоше, где меня видели только в резиновых сапогах, по-ношенных вельветовых штанах и с растрепанными волосами. Там я часто на лошади рысила среди грязи, коровьих лепешек и кон-ских яблок. Здесь меня окружали друзья — мои шесть собак, деся-ток кошек, ручной кролик, двад-цать уток, ослик, полдюжины коз и овец, которых я спасла от бой-ни.

В конце моей карьеры фильм Роже Вадима «Дон Жуан 1973» превратил меня в самую жалкую актрису. Я была сломлена, опу-стошала каждый день по две бу-тылки шампанского и три литро-вых бутылки красного вина. Мне казалось, что древо моей жизни растеряло все свои листья.

Во время съемочных работ над моим 49-м фильмом я объявила, что прекращаю работать и это моя последняя картина. Мне было 38 лет. Кончилось то время, когда я должна была одновремен-но жить двумя жизнями — моей собственной и героини очеред-ного фильма. Иногда обе так тесно переплетались друг с другом, что любовные истории или конфлик-ты, предусмотренные ролью, я продолжала разыгрывать в реаль-ной жизни.

Сегодня я чувствую, что освобо-дилась от огромного груза. Вспо-минаю последний кадр в моем последнем фильме: голубь на мо-ей ладони. Этот символ не случа-ен.

Я дала себе клятву посвятить свои имя, славу, состояние, свою еще не завершившуюся моло-дость и свои силы всем животным на этом свете, помогать им, бо-роться за них, мстить за них, лю-бить их и просить о том, чтобы их любили и другие — вплоть до мо-ей смерти.

Короче говоря, я создала Орден животных. ■